

УДК 81

DOI: 10.33184/bulletin-bsu-2020.4.27

**ВЛИЯНИЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА НА СЛАВЯНСКУЮ ТОПОНИМИЮ
ВОСТОЧНОЙ ГЕРМАНИИ**

© А. Н. Беляев

*Бакирский государственный аграрный университет
Россия, Республика Башкортостан, 450001 г. Уфа, ул. 50-летия Октября, 34.**Тел.: +7 (347) 228 91 77.**Email: anbelajew@mail.ru*

В статье изложены некоторые предварительные итоги исследования славянской топонимии в Восточной Германии. Рассматриваются интегративные процессы имен собственных в аспекте культурно-языковой интерференции в области славяно-германских контактов в Средние века и в Новое время. Топонимический материал относится к территории, ограниченной на западе реками Заале и Эльбой, на востоке – Одером. Подробно описываются явления языкового выравнивания на разных языковых уровнях. Приведены примеры фаз топонимической интеграции и транспозиции. Процесс интеграции иллюстрируется вариантами онимов, а также процессами их адаптации. Особое внимание уделяется вопросу субституции фонем при заимствовании славянских топонимов в немецкий язык. Делается вывод, что топонимическая номинация в восточно-немецких землях периода колонизации более единообразна, чем номинация в верхненемецких ландшафтах и старых немецких землях.

Ключевые слова: *немецкий язык, лужицкие языки, средневековье, Восточная Германия, Саксония, имена собственные, топонимы, языковые контакты, фазы топонимической интеграции.*

Создание в 50-х гг. прошлого столетия в Лейпцигском университете истории межэтнических культурно-языковых контактов как особого направления германского языкознания и учебной дисциплины явилось большим достижением немецких лингвистов из Восточной Германии. Актуальность и широта проблематики, богатство и разнообразие фактического материала привлекали и привлекают к этой области исследования многих ученых. Большое внимание уделяется Лейпцигской ономастической школой изучению исторической культурно-языковой интерференции, в частности проблеме ономастических заимствований как проявления межкультурных и межъязыковых контактов в прошлом, их бытованию и адаптации в немецком языке, последствиям усиленного притока заимствований из генетически родственных и неродственных языков для внутривидового развития ономастической системы языка-реципиента.

В настоящей статье мы хотели бы провести логический анализ наиболее распространенных положений в теории немецко-славянских ономастических контактов, рассмотреть процессы языкового выравнивания славянских топонимов на разных языковых уровнях и описать фазы их интеграции в немецкий язык. Актуальность исследования заключается в том, что данная проблема недостаточна изучена в зарубежной и отечественной германистике. Более того, актуальность проблемы, связанной с субституцией фонем в классе *nomina propria*, выходит, однако, далеко за пределы фонологии собственно онимов – как описательной, так и исторической.

Изучение контактов языков западных славян с немецким языком занимает центральное место в немецкой и отечественной ономастике [1–8], по-

этому можно считать, что исследование проблемы языковых контактов в ономастике находится на правильном пути: вначале исследователи удовлетворялись тем, действительно крупным достижением, что были открыты фонетические закономерности адаптации славянских имен к фонетической системе немецкого языка; более углубленный взгляд предпринимает попытку реконструкции древнелужицкого (др.-луж.) диалекта в бассейнах рек Заале – Мульде; изучается роль языка как фактора этносоциального развития, функциональное взаимодействие двух топонимических систем в ходе исторической эволюции этносов; современное исследование ставит вопрос «германское в славянском» (ср. попытку этимологии ойконима *Leipzig* из герм. *Libia* [1, с. 118]). Знаменательно, что на проходившем в 1984 г. XV Международном ономастическом конгрессе за выдающиеся заслуги Лейпциг назвали «колыбелью контактной ономастики» («Wiege der Kontaktonomastik»).

Нельзя сказать, что сложность немецко-славянских отношений полностью ускользнула от славистов XIX в. Так, в работах К. Брониша, А. Брюкнера, Ф. Миклошича, Э. Муке конца XIX в., имевших определяющее значение для формирования и дальнейшего развития изучения славянских имен, содержание этой области научных исследований связывалось, с одной стороны, с общеславянской исторической фонетикой и исторической лексикологией, а с другой – с историей западнославянских поселений, с краеведением и компаративистскими проблемами описания славянских языков, например лужицкого и полабского.

Изучению немецко-славянских межъязыковых и межкультурных контактов большое внимание уделял инициатор создания серии «Славянские ис-

следования» Р. Олеш. Э. Эйхлер, его ученик, как никто другой проникся этими импульсами и посвятил славянской проблематике невероятный труд своей жизни. Э. Эйхлер выделил три главных аспекта в исследовании славянского наследия на территории Восточной Германии: 1) структурный: изучение состава древнелужицких топонимов и антропонимов по историческим памятникам, 2) сопоставительный: сравнение древнелужицких топонимов с топонимами из других славянских ареалов, 3) исторический: описание исторических славяно-немецких языковых контактов на территории со смешанным проживанием к востоку от Эльбы и Заале.

Свойственная взглядам Э. Муке, Р. Олеша и Э. Эйхлера многоплановость в понимании предмета немецко-славянских ономастических контактов в последующем с той или иной степенью очевидности отразилась в работах многих немецких славистов, но отразилась не как сознательно реализуемая теоретическая и методологическая установка на описание двух исторически параллельных (или каким-либо образом переплетающихся) топонимических систем – германо-немецкой и славяно-лужицкой, – а скорее лишь как создание многочисленных региональных топонимических словарей.

Все же для определения специфики истории немецко-славянских ономастических контактов первостепенным представляется вопрос о понимании и толковании реальности, объективности существования этих контактов. К. Хенгст пишет: «Топонимы можно рассматривать как источники информации о языковом сознании людей в далеком прошлом и об их отношениях к соседним племенам или народам» [9, с. 9]. Многочисленные и хорошо известные исторические факты свидетельствуют, что письменная фиксация топонимов, данная нам как объективно существующая реальность, является единственным источником всех лингвистических наблюдений и обобщений. Отсюда можно сделать единственный вывод, что как языковая реальность (если мы признаем существование в донациональное время топонимических систем в том виде, в каком они существуют сейчас) топонимия дописьменного периода не может являться объектом непосредственного наблюдения, все процессы ее развития нам вовсе не даны, а могут выводиться нами лишь в ходе реконструкции определенных языковых состояний и культурных ценностей. Несмотря на существование к настоящему времени множества эмпирических исследований, демонстрирующих методические возможности различных разновидностей реконструктивной процедуры, а также некоторых специальных работ, посвященных конкретным приемам, общее состояние разработки этой ключевой для генетического языкознания проблематики и поныне трудно считать вполне удовлетворительным, что побуждает вновь обращаться к самым основаниям лингвистической реконструкции [10, с. 9]. Представляется, что рекурсивный метод Э. Эйхле-

ра [11] оказался наиболее успешным на практике. Под рекурсивным методом Э. Эйхлер имеет в виду реконструкцию (восстановление) древнего фонетико-морфологического облика топонима путем удаления более поздних напластований: путь от известного к неизвестному. Этот метод позволяет, с одной стороны, более точно дифференцировать полученные в результате проведенной ономастической реконструкции разные исходы (апеллятивные основы vs. онимические основы) и, с другой стороны, осуществить дальнейшую типологию разных по происхождению групп онимов, которые в зависимости от рекурсивного типа получают разную лексикографическую представленность. В связи с этим необходимо подчеркнуть: немецкие и славянские топонимы четко следуют принципу дихотомического образования, т.е. они восходят к апеллятивам или к личным именам. Э. Эйхлер в соответствии с этой дихотомией различает два главных типа рекурсии, а именно: 1) рекурсию топонима из апеллятива и 2) рекурсию топонима из личного имени. На материале древнелужицких топонимов оба типа подвергаются дальнейшей детализации, которая показана во всем многообразии при лексикографическом описании материала [12]. Это дало исследователям возможность показать различные способы топонимобразования. В первом случае устанавливается взаимосвязь между топонимическим и апеллятивным уровнями. Во втором случае обнаруживается связь между топонимом и личным именем, лежащим в его основе, т.е. между двумя онимами разных классов на интроонимическом уровне. Разновидность первого типа, соответственно третий тип рекурсии, представляет транстопонимизацию, т.е. переход славянского гидронима в ойконим, например *Kamenica* в *Chemnitz*, где отношение между производящим и производным топонимом также устанавливается на интроонимическом уровне.

Языковые контакты между древнелужицким языком-донором и немецким языком, который в данном случае является языком-реципиентом, позволяют проследить с помощью диахронических срезов для отдельных столетий развитие исходных форм топонимов в языке-реципиенте. При этом можно судить о качественных преобразованиях, происходящих в структуре, и установить некоторые закономерности. Прошлая топонимическая интеграция, ровно как и настоящая, – это не статическое состояние, а динамический процесс, который мы можем наблюдать на протяжении длительного периода времени. Это означает, что задача изучения топонимической интеграции состоит в выявлении поступательного движения различных ступеней интеграции, которые тесно связаны с периодом двуязычия или параллельного употребления на этой территории немецкого языка и лужицких диалектов.

Разбор, расшифровка и анализ восточносредненемецких географических названий, в особенности славянских, предполагает обращение к слож-

ным историческим процессам, протекавшим на территории Восточной Германии в X–XIII вв., которые, безусловно, не могли не оказать влияние на формирование топонимии Саксонии. Это влияние было многообразным в языковом отношении и длительным во времени.

Не ставя себе задачей дать развернутую сравнительную характеристику этногенеза германской и славянской народностей с интересующей нас точки зрения, отметим несколько фактов в индоевропеистике, в которых сказался параллелизм исторических судеб германских и славянских языков.

Вопрос о том, обладала ли территория к востоку от Эльбы и Заале пестрым этническим составом в прошлом, не может быть однозначно решен только лишь с учетом фактов исторической ономастики. Из данных истории устанавливается, что в лингвистическом отношении население Восточной Германии говорило на индоевропейских диалектах, где присутствие здесь отмечается периодом III–I тыс. до н. э. Эта индоевропейская языковая общность распалась во II тыс. до н. э. на отдельные языковые группы. В Центральной Европе нам известны кельтская, германская и балтийская языковые группы. Из всей обширной проблематики локализации древнейшего германского языкового ареала интерес представляет нижненемецкий район между Везером и Вислой. Возникновение германского этноса датируется примерно 500 г. до н. э. Из этого предполагаемого центра (Kernraum) происходит постепенное расширение ареала носителей прагерманского языка, принадлежащих к так называемой ясторфской культуре, по долинам крупных рек Везера, Эльбы, Заале, Одера и Шпрее. Есть вероятность в пользу предположения, что донемецкие, особенно германские, топонимы располагаются, прежде всего, в Тюрингии, в районе к востоку от течения Заале: гидронимы *Elbe*, *Mulde/Milde*, *Elster*, *Pleiß*, *Röder*, *Spree*; спорадически встречаются оронимы и ойконимы, например *Fergunna* (древнее название Тюрингского Леса и Рудных гор) или *Merseburg*, *Wiedemar* и *Sermuth*.

При распространении изоглосс древнейшей топонимии необходимо учитывать целый ряд типологически важных аспектов проблемы, имея в виду, что (1) постулат территориально ограниченной прародины неудовлетворителен так же, как (2) унитаристский постулат якобы изначально бездиалектного праязыка, что (3) прагерманский – живой язык со всеми атрибутами сложности живого языка, (4) чисто германская гидро- и топонимическая область нереальна, наряду с германским всегда присутствовали и негерманские этнические элементы; ср. об этногенезе славян [13, с. 5].

Лишь после самостоятельных ранних миграций германцев стал намечаться их последующий уход (ок. 600 г. н. э.) из восточных районов в старые земли. Саксонию и прилегающие к ней северные районы заняли западнославянские племена,

принеся с собой типичные славянские названия рек, местностей, поселений. Массовость и кучность однородных славянских названий отражают динамику этнических передвижений. Становится возможным глубже проникнуть в природу такого универсального явления, как ареальные контакты. Поняв их, мы сумеем восстановить утраченное, по крайней мере, в отдельных случаях, что крайне ценно в методическом плане для познания прошлого состояния топонимических систем. Разумеется, в ходе колонизации восточных районов немецкими переселенцами, выходящими из старых земель, в период Позднего Средневековья славянская топонимика подвергается некоторым процессам адаптации, но в основной своей массе она сохранилась до сих пор. Эти названия встречаются, прежде всего, в старых районах проживания, в окрестностях населенных пунктов: *Delitzsch*, *Leipzig*, *Zeitz*, *Borna*, *Altenburg*, *Plauen*, *Eilenburg*, *Wurzen*, *Grimma*, *Mutzschen*, *Mügel*, *Obschatz*, *Lommatzsch*, *Döbeln*, *Meißen*, *Großenhain*, *Dresden*, *Pirna* и *Bautzen*.

Как известно, при длительном функционировании двух разных языков на одной территории, например в средневековой Саксонии, имеют место языковые контакты, т.е. речевое общение между двумя языковыми коллективами [14, с. 3]. При этом наблюдаются процессы языкового выравнивания, ведущие к языковой интерференции и интеграции, которые способны охватывать все уровни языка. В области ономастики нижнюю ступень этих процессов представляют фонетические уподобления чуждых имен к фонетике воспринимающего языка, так называемая субституция фонем. Верхний уровень адаптации представляют морфологический уровень, словообразовательный уровень, соответственно уровень онимообразования (субституция морфем), который доминирует у имен собственных, т.к. их семантика в значительной мере нерелевантная.

Господствующее положение в древнелужицкой топонимике, в отличие от немецкой, занимают производные от апеллятивов или личных имен формы топонимов, хотя наряду с ними встречаются многие композитные образования. При морфологической интеграции этих словообразовательных типов (например с суффиксами *-ici/-ovici*, *-in-*, *-ov-*, *-c-*, *-k*, *-išče*) возникли в немецком языке вследствие сдвига границы слога апокопированные или синкопированные формы, представляющие собой псевдоосновы, часто адаптируемые к немецкой апеллятивной лексике. Об этом свидетельствуют онемеченные славянские производные топонимы с суффиксом *-c*. Консонантный ауслат именной основы (*-l*, *-m*, *-n*, *-r*, *-s/š*) следует рассматривать в качестве причины появления известных формантов: *-litz*, *-mütz*, *-nitz*, *-rütz*, *-sitz*, *-schütz/schütz*. Славянские суффиксы с назальным *-n* ослабевали в немецком языке часто только до флексии *-en* или *-e* или вовсе отбрасывались, а суффикс *-ov-* адаптировался к немецким топоосновам *-au* или *-a* (< *aha* 'вода').

Часто имела место фонетическая адаптация к немецким топономам *-bach*, *-rode/-roda*, *-hain*, *-hausen*, *-schatz/-schütz*, *-wein*, *-zahn* и т. п. Например: *Bodenbach* (деревня в Кетцербахтале): 1334 – *Podemug*, 1336 – *Podemog*; 1471 – *zcu Bodemack*, *Bodemag*; 1539/40 – *Bodebach* < aso. **Podmok(l)*-, eine Bildung zu **podmoknoti* [15, с. 86]. Славянский суффикс *-sk-* часто онемечивался в элемент *-zig*; ср. *Ganzig*, *Gaußig*, *Leipzig*, *Pöhsig* и т.д.

Местные топографические названия и названия поселений обычно содержат в качестве второго компонента семантически прозрачное слово, по которому может быть распознан именуемый объект. Первый компонент (определяющее слово) часто остается семантически непрозрачным. Особенно характерно это для возникновения так называемых гибридных имен. Недавно К. Хенгст в статье «Германо-славянские гибридные образования в топонимии Восточной Германии» убедительно обосновал гибридное происхождение таких названий, как *Borgishain*, *Jenz*, *Leipzig*, *Jenzig* [1] и показал, что в этом топонимическом типе базовый элемент представлен германской основой, а суффиксальное оформление принадлежит славянскому языку. Разумеется, такой первоклассный ученый, как К. Хенгст, обладающий глубокими знаниями как в германистике, так и в славистике, не мог не заметить близость звуковой системы прагерманского и праславянского. Значение этого факта исключительно важно для типологической характеристики этих языков, для расширения поиска этимологий для ряда топонимов. Так, топоним *Leipzig*: 1010–1018 – *in urbe Libzi vocatur* <в городе с названием *Либци*>; 1050 – *in burcardo Libziken*; 1150 – *usque Libiz*, 1185 – *Libz*, 1190–1195 – *in Lipz*, *Lipzk*, 1219 – *apud Lybzeck* восходит к праслав. **Libьсь* и **Libьsk(o)* < герм. **Libja* ‘богатый водой’ – название обширной территории вокруг Лейпцига. Германская форма, возможно, восходит к **libh-*, показывая единство с индоевропейскими корнями, обозначающими признаки воды или земли, например ‘слизистый’ или ‘мокрый’. Приходится предполагать не прямолинейный, а сложный этно- и глоттогенетический процесс, в ходе которого славянская модель наложилась на модель германского типа.

В зависимости от доминирования в той или иной области древнелужицкого или древнемецкого языка различают два основных типа гибридных образований:

1) начальный древнелужицкий элемент + немецкий конечный элемент, как например, *Ratibores + dorf* (< aso. **Ratiborici*) на территории с преобладающим немецким языком;

2) начальный немецкий элемент + др.-луж. топонимический суффикс, например, **Arnolt + -ici* (позже *Arntitz*) из нем. **Arnoldesdorf* на территории, где преобладающим языком был лужицкий.

Приведем в качестве примеров для первого типа: 1105 – *Belanesdorf*, *Milanesdorf*, *Zulanesdorf*;

1040 – *Niwolkesthorp* (PN *Nivolck*, *Liebertwolkwitz*), *Borsdorf* < **Boreš-s-dorf*, *Poppendorf* < **pop + en + dorf*; для второго типа (первый элемент всегда немецкое личное имя): *Arntitz* < *Arnoltitz*, *Berntitz* < *Bernhartitz*; пустоши: *Gerolitz* (> *Görlitz*), *Meinhartitz*, *Peterwitz*, *Ramwoltitz* (PN *Ramwolt*, *Ramolt*), *Wasmutitz* и другие.

В свое время В. Флейшер воспроизвел основные характерные различия рядов смычных в немецком и древнелужицких диалектах, на которых когда-то говорили в восточносреднемецкой области и о которых можно судить на основании славянских языков [16, с. 189]. Оппозиция немецких *p, t, k : b, d, g* определялась глухостью, характером fortis и придыханием, противопоставленными звонкости, характеру lenis и отсутствию придыхания. Оппозиция славянских *p, t, k : b, d, g* возникла явно из противопоставления глухости и характера fortis, с одной стороны, звонкости и характеру lenis, с другой. Придыхание: непридыхание не являлось здесь релевантным признаком. Если при этих условиях «онемечение» славянских топонимов, т.е. усвоение их немецкими крестьянами в XII–XIII вв., было связано с сохранением обоих рядов смычных и воспроизведением их с помощью соответствующих фонологических оппозиций немецкого языка, то эти немецкие крестьяне должны были еще иметь в системе своего диалекта различительную оппозицию глухой : звонкий или, соответственно, слабый : сильный. Из этого делается вывод, что ослабление согласных – более поздний процесс, начавшийся в ранневерхнемецком периоде. Онемеченные славянские топонимы в районах Дрездена, как и в других областях Саксонии, свидетельствуют, что оба ряда смычных еще вполне ясно различались немцами. Топонимы типа *Leuben*, *Leubnitz* (др.-луж. **lúb-*), *Lübau* (от **lǔbъ*, ср. русск. *лоб*), *Sobrigau* (**Sobělēgari*) во всех примерах имеют с самого начала *-b-* в срединной позиции. Рядом стоят формы с синкопой *e* – 1297 – *Luptowe*; здесь звонкий губной после выпадения *-e-* ассимилировался под влиянием глухого дентального. Обе традиции можно проследить вплоть до XVII в. Славянские топонимы с *p-*, *-p-* тоже соответствующим образом онемечиваются: *Bannewitz*, 1311 – *Panewycz* (**pan-*); *Plauen*, 1206 – *Plawen* (**plav-*); *Lipen*, 1286 – *Lipen* (**lipa*); *Poppitz*, 1315 – *Popuicz* [16, с. 190].

Серьезен вопрос и о субституции фонем при заимствовании иноязычных топонимов. Явление нельзя признать изученным, если неизвестны его основные количественные показатели. Исходным правилом при этом признается подмена фонем языка-донора наиболее сходными фонемами языка-реципиента. Отличительной чертой при сравнении древнелужицкой фонетической системы с немецкой выступает богатство в древнелужицком, как и в общеславянском, шипящих, например *s, z, c, š, ž, č*. Такого богатства шипящих в немецком языке первоначально не было. Необычные для немецкого

языка консонантные сочетания в начале слова, как например, в древнелужицком *km-*, *mr-*, *-pn-*, *smr-*, *vl-*, *zl-* и т.п. подменялись в немецком другими сочетаниями (*pr-*), появлялся между согласными гласный (*pen-*, *smor-*) или выпадал согласный, например, *hl-* > *l-*, *ml-* > *l* и т. д. В вокализме также имелись расхождения, например, др.-луж. *ě* хотя и передавался немецким *i* [ī], но не подвергался дифтонгизации как ср.-в.-нем. *ī* в новонемецком *ei*.

В. Венцель глубоко исследовал проблему субституции лужицких проприальных консонантных сочетаний в процессе интеграции лужицких онимов в онимическую систему немецкого языка, выявив при этом следующие соответствия [5]:

/dw/ появляется часто в немецком как /d/: Dwornik, 1463 – *Dornig*;

/g/ теряет иногда в анлауте /g/: Głowač, 1572 – *Loatzsch*;

/h/ и /hl/ сохраняют в анлауте /h/: Hłosik, 1471 – *Hlaßig*;

/hr/ утрачивает часто начальный /h/: Hrehor, 1658 – *Rehor*; Hromadka, 1701 – *Romatka*; с /h/ засвидетельствованы: Hrwina, 1529 – *Hrewna*, 1546 – *Rewhna*;

/chl/ и /chł/ соответствуют в немецком /kl/: Chlěbac, 1514 – *Klebatz*; Chlěban, 1484 – *Cleban*; Chłopik, 1704 – *Kloppick* и др.,

/chm/ часто заменяется на /km/, в отдельных случаях появляется /gm/, анапиксический гласный или адекватное /chm/: Chmel, 1649 – *Kmehl*, *Kmel*; Chmelik, 1546 – *Gemelich*, 1554 – *Gmelig*, *Gumelig*, *Kmeligk*, 1572 – *Chmeligk*, 1572 *Kmelingk*, *Kemelingke*, 1652 – *Chmeligk*;

/chr/ регулярно замещается через /kr/ или /gr/: Chrěnk, 1568 – *Krenck*; Chripiš, 1507 – *Grippitzsch*;

/ch/ перед гласным встречается как /ch/, /k/, /g/ и только редко как (h): Chochoł, 1501 – *Chochol*, 1529 – *Kocholl*; Cholowa, 1550-62 – *Cholowa*; Chudoba, 1359 – *Cudeban*, 1400 – *Chudeban*, *Kudaba*; Chudk, 1509 – *Kutk*, 1510 – *Chutk*, 1546 – *Gutk*;

/km/ не представляет особых трудностей при субституции фонем, иногда вставляется гласный: Kmeć, 1466 – *Kmetz*, 1602 – *Kmetzsch*; Kmoch, 1400 – *Komoch*, 1499 – *Qmoch*, 1542 – *Gmochs*;

/mł/ часто теряет плавный: Młodzik, 1650 – *Motzschik*, 1663 – *Motzig*; Młodzin, 1650 – *Motzin*, 1672 – *Mlodzin*;

/mst/ часто редуцируется в /st/: Mstisław, 1359 – *Stislai*, 1383 – *Stislaw*, 1391 – *Stislow*; Mstiš, 1527 – *Stiesch*; Mstišk(e), 1678 – *Stischen*;

/wł/ сохраняет только *l*, причем анлаут *w* мог исчезнуть уже в др.-луж.: 1462 – *Lossags zon*, 1524 – *Losback*, к луж. *włos*, *los* ‘волос’.

Обращаясь к рассмотрению фаз онимической интеграции, целесообразно упомянуть известную практику в разработке немецкими славистами контактной ономастики, признающую, что апелляция к исторической письменной традиции др.-луж. топонимов способна дать дополнительную возможность

по исчерпанию методического инструментария для различения фаз. К. Хенгст различает при этом три фазы:

1) *Доконтактная фаза*. Фаза состояния топонимов до начала заимствования др.-луж. топонимов в немецкий язык. Период параллельного существования топонимических систем и постепенного перехода к взаимодействию этнически дифференцированных носителей языков. Период, в котором еще не было широких языковых контактов в повседневности. Тем самым речь идет о тех реконструированных др.-луж. формах (*), в которых когда-то существовали топонимы в бывших лужицкоговорящих областях за пределами современного ареала проживания лужицких сербов.

2) *Контактная фаза*. Фаза начала интеграционного процесса. В этой фазе происходит переход и окончательное включение онимического материала из языка-донора в язык-реципиент. О существовании этой фазы свидетельствуют письменно зафиксированные др.-луж. топонимы в немецких источниках.

3) *Постконтактная фаза* включает временной период с развитием заимствованных из языка-донора в язык-реципиент онимов, при отсутствии дальнейших языковых контактов с языком-донором. Однако следует обратить внимание на то, что и в этой фазе не исключены контакты носителей немецкого языка с носителями лужицких диалектов. Тем самым вновь наступает контактная фаза, которая может повлиять на уже имеющуюся заимствованную форму и привести к ее изменению. Ср.: др.-луж. **Gněvotici* засвидетельствовано в источниках в 1301 г. как *Gneutiz* [чит.: gnevīts], 1459 – *Gneweticz*, но в 1768 – *Nimmschutz*. Последняя форма восходит к др.-луж. исходной форме, возникшей из ранней лужицкой формы *Hněwsecy* как вторичное заимствование [17, с. 228–229].

На территории Саксонии немецкие по происхождению топонимы восходят к периоду освоения немецкими колонистами восточных территорий в X–XIII вв. Возникновение новых немецких населенных пунктов потребовало для них новых названий. Характерной чертой немецкого слоя является способ образования топонимов. Названия образуются путем сложения немецких личных имен и апеллятивов с основами *-au*, *-dorf*, *-feld*, *-hagen/hain*, *-bach*, *-berg*, *-grün*, *-rodel/-reuth* и *-walde*. Большинство композит содержит в качестве определяющего слова немецкое личное имя, как правило, это имя основателя поселения или деревенского старосты, как, например, *Arnold*, *Bernhard*, *Burghard*, *Dietrich*, *Eberhard*, *Friedrich*, *Gerhard*, *Hartmann*, *Hermann*, *Heinrich*, *Konrad*, *Markwart*, *Otto*, *Reinhard*, *Rüdiger*, *Siegfried*, *Walther*, *Werner*, *Witticho* и другие. Возведенные новые города, как правило, получали названия со вторым компонентом *-stadt* или заимствовали местные лужицкие названия старых поселений, например: *Bautzen*, *Chemnitz*, *Döbeln*, *Dresden*, *Görlitz*, *Meißen*, *Plauen*,

Zwickau и другие. При расположении населенного пункта на реке в его названии часто присутствует название реки: *Elster (Bad Elster, Elsterberg, Elsterwerda, Elstra), Flöha, Chemnitz, Mulde/Milda (Mulda, Muldenberg, Muldenhammer, Muldenhütten), Lungwitz, Pockau, Pulsnitz, Sebnitz, Striegis, Spree (Spree, Spreehammer, Sprewitz, Sprey, Spremberg, Sproitz), Triebel, Weißwasser, Wyhra, Zschopau* и др.

В эпоху раннего Нового времени происходят существенные изменения в характере социально-экономических отношений, вызванные увеличением доли городского населения. Обезлюдение сельской местности (*Wüstungsprozess*), запустение многих старых небольших поселений привело в целом к значительным изменениям топонимической картины: исчезло большое количество старых названий населенных пунктов, которые сохранились отчасти только в письменных документах или в виде микропонимов.

К концу XV в. – на протяжении XVI в. немецкая экономика довольно динамично развивалась. Элементы раннебуржуазных экономических отношений зародились также в горном деле, модернизировалось горное производство, в Рудных горах возникали новые поселения горняков (*Annaberg, Marienberg, Schneeberg*). Отмечался подъем также в аграрном секторе. Занятое в аграрном производстве население к началу XVII в. составляло не менее 80%. Самые прочные экономические позиции были у крупных арендаторов и зажиточного крестьянства. Новая сельская топонимия распознается по образованиям с элементом *Neu-* (*Neugersdorf, Neutaubenheim, Neusalza, Neudorf, Neudörfchen, Neubau, Neusorge*, ср. также *Drescherhäuser* и т. д.). Во время религиозных войн XVII и XVIII вв. большое количество верующих переселилось на свободные территории Саксонии. К своим первоначально богемско-моравским названиям родных деревень, был добавлен новый элемент *Deutsch-*: *Deutscheinsiedel, Deutschgeorgenthal, Deutschneudorf (=Deutschkatharinenberg)*.

Зарождение в XX в. агломерации вокруг крупных городов из множества мелких городов и поселков не могло не сказаться на изменениях в топонимической структуре. Конечным результатом этого развития явилась проводимая в Германии генеральная административная реформа в области территориального устройства, что привело к возникновению новых названий, образованных путем различных комбинаций старых названий, например, *Hohenstein-Ernstthal, Limbach-Oberfroha, Annaberg-Buchholz, Demitz-Thumitz, Böhlitz-Ehrenberg* и многие другие. Этим фактом объясняется, что многие сложные названия новых крупных городов с районным статусом образованы от топоосновы *-tal* ‘долина’. Так, *Käbschütztal*, около Мейсена, объединяет 35 бывших самостоятельных населенных пунктов, *Ketzerbachtal – 27, Freital – 17, Großweitzschen – 24, Thümmlitzwalde – 21, Sornzig-Ablaß – 19* и т.д.

Таким образом, национальные топонимические системы в прошлом обладали совокупностью таких признаков, которые обеспечивали им не только известную стабильность, но и выработку определенных тенденций дальнейшего развития в русле этих форм. Славянские топонимы на территории Восточной Германии испытали в Средние века существенное воздействие со стороны немецкого языка, что привело к качественным изменениям топонимов на всех языковых уровнях. Процессы языкового выравнивания славянских топонимов охватывают длительный период и включают письменный аспект, составляющий одну часть сферы их функционирования (в исторических документах, хрониках). Вторая и не менее существенная часть – устный аспект, охватывающий разговорный язык переселенцев. Онемечивание славянских топонимов положило конец их славянскому лингвистическому развитию, ослаблению внутрисистемных топонимических связей. Их дальнейшее развитие проходило в русле развития топонимической системы раннего Нового времени.

ЛИТЕРАТУРА

1. Хенгст К. Германско-славянские гибридные образования в топонимии Восточной Германии // Вопросы ономастики. 2015. №2(19). С. 114–124.
2. Bichlmeier H. Die wichtigsten Suffixe in slawischen Familiennamen und ihre Eindutschungsergebnisse – ein Überblick // Namenkundliche Informationen. Leipzig: Leipziger Universitätsverlag, 2019. №111. S. 123–152.
3. Мурашов Р. З. Имена собственные в системе языка: монография. Уфа: РИЦ БашГУ, 2015. 128 с.
4. Wort und Name im deutsch-slavischen Sprachkontakt: Ernst Eichler von seinen Schülern und Freunden. Köln; Weimar; Wien: Böhlau, 1997. 569 S.
5. Wenzel W. Substitution sorbischer proprialer Konsonantenphonemverbindungen bei der Integration in das deutsche Sprach- und Namensystem // Wort und Name im deutsch-slavischen Sprachkontakt: Ernst Eichler von seinen Schülern und Freunden. Köln; Weimar; Wien: Böhlau, 1997. S. 411–417.
6. Zschieschang Ch. ... ac iuxta unam paludem. Wasser, Siedlung und Grenzen in der deutsch-slavischen Kontaktzone. Ein Beispiel aus der östlichen Niederlausitz // Namenkundliche Informationen. Leipzig: Leipziger Universitätsverlag, 2019. №111. S. 344–362.
7. Hengst K. Sprachkontakte, Sprachstudien und Entlehnungen im östlichen Mitteldeutschland seit einem Jahrtausend: ausgewählte Studien zur Sprach- und Namenforschung. Wien: Praesens Verlag, 2015. 870 S.
8. Deutsch-slavischer Sprachkontakt im Lichte der Ortsnamen: mit besonderer Berücksichtigung des Wendlandes / hrsg. Von Friedhelm Debus. Neumünster: Wacholtz, 1993. 223 S.
9. Хенгст К. Теоретические обобщения ономастических исследований в Центральной Европе: онимы как культурная память территории // Ономастика Поволжья: Тезисы докладов IX междунар. конф. Волгоград, 9–12 сент. 2002 г. Волгоград: Перемена, 2002. С. 9–11.
10. Климов Г. А. Реконструкция и диахроническая интерпретация в компаративистике // Вопросы языкознания. 1988. №3. С. 9–16.
11. Eichler E. Perspektiven der slawischen Ortsnamenforschung im deutsch-slavischen Berührungsbereich. Ein Beitrag zur Sprachkontaktforschung // Beiträge zur Namenforschung. Neue Folge. Beiheft 27. Heidelberg: Carl Winter Universitätsverlag, 1988. S. 20–51.

12. Atlas altsorbischer Ortsnamentypen. Studien zu toponymischen Arealen des altsorbischen Gebietes im westslawischen Sprachraum. Heft 1. Hrsg. von Ernst Eichler. Unter der Leitung von Inge Bily bearbeitet von Inge Bily, Bärbel Breinfeld und Manuela Züfle. Stuttgart: Verlag der Sächsischen Akademie der Wissenschaften zu Leipzig, in Kommission bei Franz Steiner Verlag, 2000. 100 S.
13. Трубачев О. Н. Этногенез и культура древнейших славян: Лингвистические исследования. Изд. 2-е, доп. М.: Наука, 2002. 489 с.
14. Розенцвейг В. Ю. Языковые контакты: лингвистическая проблематика. Ленинград: изд-во «Наука», 1972. 78 с.
15. Historisches Ortsnamenbuch von Sachsen. Teil: Bd. 1., A-L. Berlin: Akademie Verlag, 2001. 634 S.
16. Флейшер В. Из истории смычных в ранневерхненемецком языке // Проблемы морфологического строя германских языков. М.: изд-во АН СССР, 1963. С. 186–198.
17. Hengst K. Forschungsergebnisse zu Integrationsprozessen von Siedlungsnamen aus der Minderheitensprache Sorbisch im sorbisch-deutschen Sprachkontaktraum // Namenkundliche Informationen. 2013. №101/102. S. 219–249.

Поступила в редакцию 23.10.2020 г.

После доработки – 08.12.2020 г.

DOI: 10.33184/bulletin-bsu-2020.4.27

THE IMPACT OF GERMAN ON THE SLAVIC TOPONYMY OF EAST GERMANY

© A. N. Belyaev

*Bashkir State Agrarian University
34 50-letiya Oktyabrya Street, 450001 Ufa, Republic of Bashkortostan, Russia.*

Phone: +7 (347) 228 91 77.

Email: anbelajew@mail.ru

The author of the article describes some preliminary results of the analysis of place names of the East German. The author gives a review about perceptual processes of proper names and its results after decades of studies in the field of Sorbian-German contacts in everyday speech in the Middle Ages. The author tries to apply systematic and recursive approaches in order to identify linguistic affinities of the Slavic place names. The methods of these approaches were developed and successfully applied by E. Eichler while studying the substrate toponymy of the East Germany. They are based on the searching and isolating of repeating different elements among toponymic formants, toponymic stems, and ethnotoponyms, as well as on the careful consideration of comparative linguistic data and linguistic mapping, which are considered to be important parts of such kind of research. The toponymic material belongs to the region between the rivers Saale and Elbe in the West and the river Oder in the East of the considered regions. Phenomena recognized of systematical evidence are described in detail, i.e. phonematical, graphematical, morphematical, lexical, and semantical facts are performed. Phases of onymic integration, transsumption, and transposition are exemplified. The process of integration is illustrated by variants of proper names as well as by processes of adaptation. Special attention is mentioned to the borrowing events of German place names in Sorbian language since the Middle Ages.

Keywords: German language, Sorbian languages, Middle ages, East Germany region, Saxony, proper names, toponyms, language contacts, phases of toponymic integration.

Published in Russian. Do not hesitate to contact us at bulletin_bsu@mail.ru if you need translation of the article.

REFERENCES

1. Khengst K. Voprosy onomastiki. 2015. No. 2(19). Pp. 114–124.
2. Bichlmeier H. Namenkundliche Informationen. Leipzig: Leipziger Universitätsverlag, 2019. No. 111. Pp. 123–152.
3. Muryasov R. Z. Imena sobstvennye v sisteme yazyka: monografiya [Proper names in the language system: monograph]. Ufa: RITs BashGU, 2015.
4. Wort und Name im deutsch-slavischem Sprachkontakt: Ernst Eichler von seinen Schülern und Freunden. Köln: Böhlau, 1997.
5. Wenzel W. Wort und Name im deutsch-slavischem Sprachkontakt: Ernst Eichler von seinen Schülern und Freunden. Köln; Weimar; Wien: Böhlau, 1997. Pp. 411–417.
6. Zscheschang Ch. Namenkundliche Informationen. Leipzig: Leipziger Universitätsverlag, 2019. No. 111. Pp. 344–362.
7. Hengst K. Sprachkontakte, Sprachstudien und Entlehnungen im östlichen Mitteldeutschland seit einem Jahrtausend: ausgewählte Studien zur Sprach- und Namenforschung. Wien: Praesens Verlag, 2015.
8. Deutsch-slavischer Sprachkontakt im Lichte der Ortsnamen: mit besonderer Berücksichtigung des Wendlandes / hrsg. Von Friedhelm Debus. Neumünster: Wacholtz, 1993.
9. Khengst K. Onomastika Povolzh'ya: Tezisy dokladov IX mezhdunar. konf. Volgograd, 9–12 sent. 2002 g. Volgograd: Peremena, 2002. Pp. 9–11.
10. Klimov G. A. Voprosy yazykoznaniiya. 1988. No. 3. Pp. 9–16.
11. Eichler E. Beiträge zur Namenforschung. Neue Folge. Beiheft 27. Heidelberg: Carl Winter Universitätsverlag, 1988. Pp. 20–51.
12. Atlas altsorbischer Ortsnamentypen. Studien zu toponymischen Arealen des altsorbischen Gebietes im westslavischem Sprachraum. Heft 1. Hrsg. von Ernst Eichler. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2000.
13. Trubachev O. N. Etnogenez i kul'tura drevneishikh slavyan: Lingvisticheskie issledovaniya [Ethnogenesis and culture of the ancient Slavs: Linguistic studies]. 2 ed. dop. Moscow: Nauka, 2002.
14. Rozentsveig V. Yu. Yazykovye kontakty: lingvisticheskaya problematika [Language contacts: linguistic problems]. Leningrad: Nauka, 1972.
15. Historisches Ortsnamenbuch von Sachsen. Teil: Bd. 1., A-L. Berlin: Akademie Verlag, 2001.
16. Fleisher V. Problemy morfologicheskogo stroya germanskikh yazykov. Moscow: izd-vo AN SSSR, 1963. Pp. 186–198.
17. Hengst K. Namenkundliche Informationen. 2013. No. 101/102. Pp. 219–249.

Received 23.10.2020.

Revised 08.12.2020.